

МАРЬЯНА РОМАНОВА

ЧЕРНЫЙ ВЕНОК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Василий Половцев*

Романова, Марьяна.

Р69 Черный венок: [сборник] / Марьяна Романова. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — («Страшные истории Марьяны Романовой»)

ISBN 978-5-17-136015-3

Тонкий психологизм повествования, присущий книгам Марьяны Романовой, заставляет читателя верить в мистические события ее историй. Революционный Петроград, современная Москва, странное поселение в северных лесах, коммуна хиппи семидесятых, нищая деревня в экваториальной Африке — на фоне этих декораций расследуется страшная легенда о том, что существуют люди, способные поднимать мертвых из земли. В одинаково завораживающей интонации автор рассказывает о деревне, в которой исчезают люди, о женщине, которая влюбляется только в старых мужчин, о древних жреческих обрядах, о том, как люди относятся к мертвецам и смерти, и о том, что есть по своей сути смерть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЧЕРНЫЙ ВЕНОК

(История, рассказанная автору врачом N)

Первым зимним утром восьмидесятилетний Петров не поднялся с постели, хотя у него был запланирован поход к гастроэнтерологу, а потом на рынок, за свежим творогом и португальской клубникой, которую он покупал мизерными порциями и потом в бумажном кулечке бережно нес домой.

Петрову нравилось баловать деликатесами жену, Нину, которую он любил уже полвека. Жена была ленинградкой и помнила, как мать варила кожаные туфли, а отец вполголоса говорил: все равно Нинка не выживет, надо что-то делать. Нине было всего одиннадцать, но она прекрасно понимала: «что-то делать» — это когда самого слабого приговаривают, чтобы те, кто сильнее, продолжали жить. За несколько недель до того дня, как мать стояла над кипящей водой, в которой размокали ее свадебные туфли, от соседей потянуло мясным бульоном. А их младшего сына, одноклассника Нины, щуплого мечтательного мальчика, который надеялся стать летчиком, хотя ему было понятно, что таких близоруких в небо не пускают, больше никто никогда не видел. Соседи даже глаза не прятали, наоборот — смотрели с некоторым вызовом, как будто бы альтернативная мораль, благодаря которой на некоторое время на их щеках появился румянец, а в глазах — блеск, стала их стержнем.

У Нины тогда не было даже сил бояться и тем более сопротивляться, но мать как-то сумела ее отбить. По иронии из всей семьи в итоге выжила только она, Нина, самая слабая.

После войны Нина ни одного дня не голодала. Но ягодам, хорошему сыру, пирожным-корзиночкам радовалась как дитя, всю жизнь, это было дороже, чем жемчуга, и теплее, чем объятия. Для Петрова было очень важно поехать на рынок за клубникой, однако он не смог встать, как будто невидимые путы его держали. Не поднялся он и во второй день зимы, и в третий, а уже к февралю стало ясно — не жилец. Угас он стремительно, как свеча, накрытая колпаком, и как-то странно — врачи так и не поняли, в чем дело.

Еще в начале осени никто не давал Петрову его лет — в нем была та особенная стать, которая выдает бывших военных. Широкие плечи, аккуратные седые усы, густые волосы, кожаный пиджак — ему и в его восемьдесят часто говорили в спину: «Какой мужчина!» А жена Петрова всю жизнь слышала: «Ты поаккуратнее, уведут ведь!» И пытались увести, много раз пытались.

В последний раз вообще смешно — наняли они женщину, чтобы та помогала квартиру убирать. У жены Петрова пальцы совсем скрутил артрит — ей было трудно мыть полы во всех трех комнатах. Вот и нашли по объявлению помощницу. Галей ее звали. Простая деревенская женщина, о таких часто говорят: без лица и возраста. Ей могло быть и двадцать пять, и пятьдесят. Кряжистая, с сухой кожей на щеках и ловкими сильными пальцами. От нее всегда почти неуловимо пахло кисловатым потом, и когда она покидала дом, жена Петрова, немного стесняясь, все же проветривала комнаты.

Галя приходила через день. Работала она хорошо — кроме всего прочего умела натирать паркет воском. Не ленилась, пылесосила даже потолок, ежемесячно мыла окна, перестирала все шторы. Но обнаружился один изъян — очень уж ей понравился Петров. Ему была присуща та дежурная галантность, которую неизбалованные женщины часто ошибочно принимают за личную приязнь. Когда он приветствовал домработницу утром: «Рад вас видеть, Галюшка!», та краснела как школьница, тайком прочитавшая главу из найденного у родителей «Декаме-

рона». А Петров думал, что она разругалась от интенсивного мытья полов. Он вообще был в этом смысле довольно наивен.

Среди мужчин однолюбы встречаются так редко, что большинство даже не верит в их существование. Петров был влюблен в жену — искренне и просто. С годами чувство его стало спокойным — ушел порыв, ушла страсть, но и через пятьдесят лет он все еще иногда исподтишка любовался женой.

Нина сидела под торшером с книгой, а он делал вид, что читает «Советский спорт», а сам ее рассматривал. И такой хрупкой она была, и такими тонкими стали к старости ее добела поседевшие волосы, и так пожелтела кожа, что ему даже страшно было за эту бестелесность. Будь у Петрова крылья, он бы распростер их над женой, чтобы защитить ее от сквозняков, ОРВИ, каждую осень гулявшей по Москве, чересчур яркого солнечного света, хамоватой медсестры из районной поликлиники, извергаемых телевизором дурных новостей.

А Галя приходила мыть полы в короткой юбке из парчи и, если ей из вежливости предлагали чаю с вареньем, никогда не отказывалась. Петрову она сочувствовала. Такой статный мужик, а вынужден жить при некрасиво состарившейся жене, которую вполне можно было за его мать принять. Благородный потому что.

Долго терпела Галя. Она привыкла к инициативным мужчинам, и все ждала, когда Петров заметит ее интерес, одуреет от свалившегося счастья и потащит ее сначала в постель, а потом и под венец.

Объяснение было тяжелым. Галя нервничала — она была опытным игроком на поле кокетливого смеха, а вот слова всегда давались ей с трудом. Петров изумленно хлопал глазами. Даже если бы он был одинок, эта потная румяная женщина в неуместной нарядной юбке была бы последним человеком, удержавшим его взгляд. Побаивался он вульгарных шумных баб.

И все же неловкие признания домработницы тронули его, и Петров старался подобрать такие слова, чтобы жен-

щина не почувствовала себя раненой. Усадил ее в кресло, налил хорошего коньяка, который Галина выпила залпом, как водку.

Кряжистая Галя не понимала, почему сок ее жизни не волнует Петрова, а сухонькая вечно мерзнущая старушонка с костлявыми ключицами, артритными пальцами и выцветшими глазами — да.

Через какое-то время она сказала, что больше не может убираться в их доме. И, честно говоря, семья Петровых вздохнула с облегчением. Все это случилось в середине октября.

И вдруг вот так.

В первый день весны Петров перестал дышать — это случилось под утро. Нина сразу почувствовала, во сне. Повернулась к мужу. Даже когда Петров заболел, она продолжала спать рядом с ним. Привычка. Мертвый Петров лежал с ней рядом и с улыбкой смотрел в потолок. За месяцы болезни он так усох, что перестал быть на самого себя похожим.

И на похоронах Петрова, и вернувшись в опустевший дом, где на прикроватной тумбочке лежали его таблетки и очки, Нина чувствовала, что муж — где-то рядом. Как будто бы у него, покинувшего тело, действительно отросли те самые крылья, которыми он мечтал ее укрывать и защищать.

Нина была спокойна — улыбалась даже. Подарила соседям новую зимнюю куртку, купленную для Петрова, да так и не пригодившуюся, и антикварную фарфоровую супницу. Не будет же она красиво сервировать стол для себя одной. Это было бы слишком грустно.

На сороковой день Нина решила распустить подушку, на которой спал муж. Дорогая подушка, гусиный пух, только вот спать на ложе мертвеца — дурная примета. Пригласила знакомую швею, та обещала за час-другой управиться. Но спустя буквально несколько минут она позвала в спальню Нину, и лицо ее было мрачным.

— Смотри, что я нашла. Кто это вас так?

На кровати лежал черный венок. Подойдя поближе, Петрова увидела, что он сплетен из вороньих перьев.

— Что это? — удивилась она.

— Вас надо спросить, — криво усмехнулась портниха. — Кому так насолили, что порчу смертную на ваш дом навели. Хорошо еще, что сами на этой подушке спать не стали, — она бы вас, худенькую такую, за неделю сгубила.

Нина Петрова, когда-то выжившая в блокадном Ленинграде, точно знала, что Бога не существует. Когда она слышала церковные колокола, ей все мерещилось улыбающееся лицо соседского мальчишки, которого съели собственные родители, чтобы продержаться. И никто их не осудил, не посмел бы. Петровой казалось, что если кто в Бога верит, тот, выходит, либо малодушный человек, либо просто никогда не пытался прожевать вываренные в соленой воде свадебные туфли матери. Веру она воспринимала как слабость, суеверия — как глупость. Много лет они с мужем выписывали журнал «Наука и жизнь». В иной момент она просто посмеялась бы над темной портнихой.

Но венок из вороньих перьев — был.

А Петров — умер, и врачи так и не смогли найти причину угасания.

— Ерунда... — не вполне уверенно сказала Нина. — Да и некому было...

— А вы подумайте, — прищурилась швея, уже предвкушавшая, как она расскажет эту яркую историю коллегам и родственникам. — У вас в доме бывал кто посторонний? Помнится, вы говорили, женщина убраться приходила.

Нина как наяву увидела перед собою полное красное Галино лицо; верхняя губа трясется от гнева, зрачки сужены, как у собаки в трансе бешенства.

— Вы меня еще вспомните, — сказала она, принимая из Нининых рук свою последнюю зарплату. — Нельзя так со мною обходиться!.. Это вы тихоня, ко всему привычная, ссы в глаза — все божья роса. А я другая. Я и постоять за себя могу!

— Да за что же... — растерянно хлопала ресницами Нина. — Я не понимаю, душа моя... Разве мы вас хоть когда-то хоть чем-нибудь обидели?.. А если вы о муже моем, так он просто...

— Молчите уж! — перебила Галя, для которой ненависть была как парная в русской бане, — лицо ее покраснелось и вспотело. — Я просто предупредила!

И вот теперь такое... Смерть, так неожиданно пришедшая в дом, венки в подушке... Нет, Нина, конечно, не поверила портнихе — ей было очевидно, что единственный факт не может быть базой для выводов. Совпадение, просто страшное совпадение.

Венок из вороньих перьев она зачем-то закопала на пустыре.

МЕРТВЫЕ
ИЗ ВЕРХНЕГО ЛОГА

ПРОЛОГ

В нескольких десятках километров от Ярославля, окруженная с трех сторон болотистым лесом, уже два столетия с лишком стоит деревенька Верхний Лог. Большинство ее домов сложены из потемневших от времени, изъеденных жучком бревен; глинистую дорожку между ними выравнивают дважды в год — для того, чтобы она все равно превратилась в склизкое месиво; над дверью покосившейся церквушки есть дата возведения — 1857 год. В середине двадцатого века государство низвергло с ее колокольни старинный колокол, а в девяностые независимый спонсор, ярославский банкир, оплатил реставрацию, и над белыми стенами выросли небесно-голубые купола. Примерно такая же церквушка была вытатуирована на груди банкира, широкая же его спина являла миру то, что ему самому представлялось адом, — кособокие черти с растянутыми в улыбке ртами и круглый котел, под которым пляшет плохо прорисованное синей тушью пламя. К Богу как к единственному оправданию реальности будущий спонсор предсказуемо приобщился, когда отбывал срок не то за вооруженный грабеж, не то за валютные махинации. В первое свое свободное лето он снял домик в Верхнем Логe, где весь июль и первую половину августа привыкал к безграничности пространства, а заодно

взял шефство над дорогой и церковью — к середине августа и появились купола. Но в начале сентября банкира убили, причем все выглядело как «несчастный случай на охоте», но местные говорили разное.

Впрочем, поговорить в Верхнем Логе любили всегда — неторопливый ток времени и размеренность жизни располагали к бесконечному обсасыванию тем, а каждая свежая сплетня была козырной картой, которая за липовым чаем передавалась из рук в руки, по пути обрастая новыми вензелями. Иногда случалось, что бубновая шестерка, пройдя от первого дома к двадцатому, незаметно оборачивалась козырной дамой пик. В общем, церковь так и осталась отреставрированной наполовину.

Зимой в Верхнем Логе оставались в основном старики, а летом из Ярославля, Углича и Тутаева приезжали к ним внуки. Иногда случались и дачники, влекомые грустной и торжественной красотой Севера. Глиняные дороги; бескрайние, похожие на океан, поля, которые так красиво седали к осени; густые леса да поросшие камышами тихие болотца; разливанная Волга с ее темными спокойными водами... Время здесь как будто замерло на века.

Сплетничали: однажды старуха Ефросинья, которую в деревне недолюбливали из-за того, что та была неразговорчива, мрачна и все время бормотала себе под нос (просто многолетняя привычка хронически одинокого человека, но людям казалось, что она говорит дурное, слазить пытается), сдала половину дома неприятным дачникам. Это была компания молодежи из Сергиева Посада — два паренька и три девицы, если слово «девица» вообще применимо к хамоватым существам, которые говорили басом, носили по четыре сережки в каждом ухе, вместо утреннего чая пили дешевое пиво из местного ларька и приправляли речь таким витиеватым матерком, что даже у местных трактористов пунцовели щеки. Пусть они приехали всего на неделю, но надоесть успели всему Верхнему Логу сразу — гости притащили с собой магнитофон, денно и ночью извергавший богомерзкие визги и моно-

тонный стук, которые самим приезжим по непонятной причине казались музыкой.

Утром второго дня одна из девиц отправилась на луг — лечить похмелье душистым теплым воздухом — и нос к носу столкнулась со старой коровой Дунькой, меланхолично поедавшей клевер. Дачница вдруг испугалась, словно безобидное животное явилось из самой преисподней, и заверещала как черт, — у тех, кто слышал ее вопль, кровь превратилась в ледяное желе. В тот же день товарка пугливой приезжей повздорила с двенадцатилетней дочкой соседей и ударом ноги сбила девчонку с велосипеда — колесо было погнуто, коленка разбита, а мать пострадавшей орала, что если Ефросинья не уймет беспокойных постояльцев, то она сама сделает это — с помощью охотничьего ружья или хорошо наточенного топорика. Вечером третьего дня компания решила отужинать печеной картошкой. Парни стали разводить во дворе Ефросиньи костер, и одному из них вздумалось плеснуть в огонь какой-то растворитель. Оранжевое пламя взлетело до небес и перекинулось на старенький дровяной сарай. Если бы не счастливое совпадение — сосед Ефросиньи как раз поливал огород из соединенного с колодцем насосного шланга, он вовремя заметил дым, перепрыгнул через ограду и помог потушить сарай, — весь Верхний Лог был бы уничтожен не более чем за час.

А на четвертый день ненавистные дачники отправились в лес за грибами, и с тех пор их никогда в деревне не видели. Вещи приезжих — рюкзаки с одеждой, посуда, спальные мешки — остались брошенными в доме Ефросиньи. На поиски так никто и не собрался, хотя Ефросинья волновалась и еще долго обреченно бубнила, ни к кому конкретно не обращаясь: пропали, сгинули, пропали, сгинули... Но сосед слева, лесник Борис, убедил старуху, что если бы с дачниками случилось что в лесу, он бы узнал об этом первым. Много лет подряд каждый день Борис шатался по лесам и знал там каждую ветку, каждый куст. Он чувствовал лес, дышал им. И почувствовал бы смерть, раскрутил бы ее, как клубок запутавшихся ниток. «Успо-